

18+

Амелия Роуз

«Последний цветок рода Элитомирон»

<https://litres.ru/74321127>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Потеряв родителей, Сильтарион осталась наедине с тишиной опустевшего дома и тяжёлыми вопросами, на которые никто не мог ответить. Но судьба приготовила ей иной путь: она — последняя принцесса рода Элитомирон, хранительница границы между миром людей и миром эльфов. В городе Эриллиан, сотканном из света и легенд, ей предстоит не только учиться управлять древней силой, но и заново учиться жить: замечать маленькие чудеса, позволять себе быть слабой и принимать помощь. Рядом с ней — два принца: один дарит ей твёрдую опору, другой — лёгкость и смех. И именно в этом балансе она находит свою силу: не в холодном долге, а в тепле, которое не даёт тьме победить. Её путь — это история о том, как перестать быть одной и научиться говорить нет страху, шаг за шагом».

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	43

«Последний цветок рода Элитомирон»

Глава

Я сидела в полутёмной комнате, где пахло старыми книгами и воском от свечей, и сжимала в пальцах крошечный серебряный кулон — единственную вещь, которую мама всегда носила не снимая. Его грани врезались в кожу, но я не разжимала ладонь. Казалось, если выпущу — всё окончательно станет правдой. Врачи говорили, что я поправилась. Лихорадка ушла, бред рассеялся, и теперь тишина в доме была громче любого крика. Дом, который раньше звенел от смеха и шёпота «мы тебя любим», теперь будто затаил дыхание, боясь разбудить воспоминания. Ко мне приходили люди: тёти, дяди, дальние родственники, чьи лица сливались в одно сочувственное пятно. Они приносили пироги, тёплые пледы и слова, которые звучали как чужие. «Ты теперь одна», «мы позаботимся», «время лечит». Но никто не мог объяснить, почему родители, улетая спасать чью-то чужую жизнь, не спасли свою. Никто не мог сказать, что теперь будет со мной. А потом появился он. Высокий, в длинном тёмном пальто, с лицом, будто высеченным из камня, и взглядом, в котором не было ни капли жалости — только холод-

ная сосредоточенность. Он назвался адвокатом семьи, но в его манере держаться было что-то большее, чем просто юридическая сухость. Он не принёс пирогов. Вместо этого положил передо мной на стол тонкую папку и сказал: — Сильтарион, ты должна это прочитать. И лучше, чтобы ты сделала это сейчас, пока ещё можешь держаться на ногах. Я вздрогнула: он произнёс моё имя так, будто знал его не из документов, а из чьих-то шёпотов, из семейных легенд, из чего-то, что пряталось за стенами нашего дома. Внутри папки лежали не обычные бумаги. Там были фотографии, на которых родители выглядели совсем не так, как я привыкла их видеть. На снимках они стояли не в уютной гостиной, а на фоне зданий с незнакомыми гербами, в одежде, больше похожей на униформу. Рядом с ними — люди с такими же внимательными, хищными глазами. На одном фото отец держал в руках предмет, похожий на артефакт: тонкий стержень из чёрного металла, исписанный светящимися рунами. Под снимками шли сухие строки: «Проект Астралис», «уровень доступа — высший», «объект: стабилизация пространственных разломов». Я подняла глаза на адвоката. — Это шутка? — прошептала я, чувствуя, как голос дрожит. Он покачал головой. — Боюсь, что нет. Твои родители не были просто врачами, Сильтарион. Они были хранителями. И теперь, когда их нет, эта роль переходит к тебе. В коридоре что-то тихо щёлкнуло — будто кто-то повернул ключ в замке, который я никогда не замечала. Я обернулась, но там никого не было. Только тень

на стене дрогнула, словно живая. Адвокат сделал шаг вперёд и тихо добавил: — И поверь, есть те, кто уже знает, что ты осталась одна. Адвокат едва успел договорить, как воздух в комнате вдруг стал густым, будто налитым свинцом. Сильтарион почувствовала, как волоски на руках встали дыбом, а в груди закололо — словно тысячи невидимых игл разом впились в кожу. И тут пространство перед книжным шкафом пошло рябью, как поверхность пруда, в который бросили камень. Из мерцающего разлома шагнули двое. Первый — высокий, с волосами цвета лунного серебра, струящимися почти до талии. Его черты были острыми, словно высеченными из горного хрусталя, а глаза отливали холодным фиолетовым, будто в них плескалась сама ночь. На нём был плащ из ткани, которая то и дело меняла оттенок — от тёмносинего до глубокого изумрудного, словно отражая чужие сны. Это был принц Лиэрион из дома Вечного Рассвета, хранитель границы между мирами, тот, кто умел слышать шёпот разломов и унимать их дрожь. Второй двигался тише, почти бесшумно, и казался чуть ниже, но в его осанке чувствовалась сталь. У него были тёмнокаштановые волосы с тонкими серебряными прядями, будто тронутые инеем, а взгляд — янтарный, пронзительный, будто он видел не только то, что перед глазами, но и то, что скрыто за временем. На поясе у него висел тонкий клинок с рукоятью, оплетённой светящимися нитями. Это был принц Каэлинон из дома Сумеречной Песни, мастер иллюзий и теней, тот, кто мог заставить

реальность поверить в то, чего не было. Они замерли, оглядывая комнату: современный мир пах металлом, электричеством и чужим временем. Лиэрион слегка нахмурился, глядя на тусклый свет лампы, будто тот оскорблял его зрение. Каэлино́р же с любопытством коснулся пальцами спинки кресла, словно пытался прочесть его историю через прикосновение. Адвокат побледнел и отступил к стене, будто внезапно вспомнил, что он всего лишь человек среди богов и чудовищ. Лиэрион перевёл взгляд на Сильтарион. Его голос прозвучал негромко, но каждое слово отдавалось эхом, как удар колокола: — Ты — Сильтарион из рода Элитомирон. Последний цветок почти исчезнувшего дерева.

Мы пришли за тобой. Сильтарион вцепилась пальцами в край стола, чтобы не упасть. — Откуда вы знаете моё имя? И кто вы такие? Каэлино́р шагнул вперёд, и на мгновение его силуэт расплылся, будто нарисованный на воде. — Мы твои женихи по древнему пророчеству, — спокойно произнёс он, и в его голосе не было ни насмешки, ни пафоса, только холодная уверенность. — Два принца, две стороны равновесия. Ты — та, кто удержит миры от падения. Без тебя граница рухнет, и хаос затопит оба мира: и наш, и твой. Лиэрион подошёл ближе, не сводя с неё взгляда. — Пророчество гласит: «Когда род Элитомирон почти угаснет, а хранители падут, невеста двух миров встанет на перекрёстке времён. Её кровь свяжет то, что рвётся, её воля удержит то, что рушится». Твои родители знали это. Они пытались защитить тебя,

спрятать в мире людей, пока ты не будешь готова. Но время вышло. Сильтарион покачала головой, чувствуя, как реальность ускользает сквозь пальцы. — Но я ничего не умею... Я просто болела, а потом мне сказали, что родители погибли... Лиэрион чуть склонил голову, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на сочувствие. — Сила рода Элитомирон не в том, чтобы уметь. Она в том, чтобы быть. Твоя кровь — ключ. Твоё присутствие — якорь. Но чтобы удержать границу, тебе придётся научиться видеть то, что скрыто. И принять то, что ты — не просто девушка, а последняя принцесса эльфов. В этот момент окно задребезжало, будто от далёкого грома, хотя небо за стеклом оставалось ясным. Сильтарион вздрогнула и посмотрела на улицу: там, в тени переулка, мелькнула тёмная фигура с глазами, горящими алым. Кто-то уже следил за ней. Кто-то, кому было невыгодно, чтобы она стала той, кем должна быть. Каэлинор заметил её взгляд и мгновенно заслонил собой, выхватывая клинок. Лиэрион резко вскинул руку, и воздух перед ними затвердел, словно стекло. — Они уже здесь, — тихо произнёс он. — Те, кто хочет, чтобы миры столкнулись. И они не дадут тебе времени на сомнения. Сильтарион всё ещё стояла, вцепившись в край стола, а перед глазами плыли строчки из папки: «стабилизация пространственных разломов», «уровень доступа — высший»... Слова звучали как чужой язык. — Я не понимаю, — прошептала она, переводя взгляд с Лиэриона на Каэлинора. — Какой ещё род? Какая принцесса? Я просто... я

болела. Я ничего не умею. Лиэрион шагнул ближе, но не коснулся её — будто боялся спугнуть. — Сила рода Элитомирон не требует умения. Она требует присутствия. Твоя кровь сама знает, что делать. Но сейчас ей нужно проснуться. Казелинор опустил клинок, но не убрал его в ножны. Его голос был мягче, чем у брата, но в нём чувствовалась стальная уверенность: — Представь, что внутри тебя — тонкая нить света. Она тянется сквозь миры, удерживая их на месте. Пока ты жива, она горит. Когда ты научишься её видеть, ты сможешь её направлять. Сильтарион закрыла глаза, пытаясь представить эту нить. Но вместо света видела только темноту и отголоски боли той ночи, когда ей сказали, что родителей больше нет. И вдруг... Что-то щёлкнуло внутри. Не в мыслях — глубже, где-то под рёбрами, будто сдвинулся невидимый замок. По коже пробежал холод, а затем — жар, как от раскалённого металла. Сильтарион распахнула глаза и увидела то, чего не должно было быть: поверх обычной комнаты легла другая реальность. Стены стали прозрачными, сквозь них проступали очертания гигантских кристаллов, пронизывающих землю. В углах комнаты клубились тени, но теперь Сильтарион видела, что это не просто отсутствие света — это трещины в ткани мира, тонкие, как паутина, но глубокие, как пропасти. А между ними тянулась та самая нить — тонкое золотое свечение, дрожащее от напряжения. Она ахнула и попятилась, но Лиарион успел подхватить её под локоть, не давая упасть. — Ты видишь границу, — тихо сказал

он. — То, что удерживает миры друг от друга. Для людей она невидима. Для тебя — теперь нет. Сильтарион с трудом сглотнула. — Это... это повсюду? — Да, — кивнул Каэлинор. — В каждом доме, в каждом переулке. Мир людей и мир эльфов не стоят рядом, как два здания. Они наложены друг на друга, как слои стекла. И если граница истончится, эти слои смешаются. Магия хлынет в ваш мир — и он не выдержит. Или ваш мир прорвётся в наш — и тогда мы потеряем всё, что знаем. Лиэрион отпустил её руку, но остался рядом, готовый подхватить снова. — Твой род был создан, чтобы удерживать эту границу. Элитомирон — это не просто имя. Это слово на древнем языке означает «тот, кто держит свет между мирами». Твои родители были хранителями. Теперь эта роль — твоя. Сильтарион медленно подняла руку и протянула её к ближайшей трещине. Нить света дрогнула, потянулась к её пальцам, словно живая. И когда она коснулась свечения, трещина на мгновение затянулась, как рана под повязкой. В тот же миг в переулке за окном что-то взвыло — резко, пронзительно, будто кто-то ударил по натянутой струне. Тёмная фигура, которую они заметили раньше, метнулась прочь, растворяясь в тенях. Каэлинор резко обернулся к окну, но было уже поздно. — Они почувствовали, — мрачно произнёс он. — Те, кто хочет, чтобы граница пала. Они знают, что ты пробудилась. Лиэрион посмотрел на Сильтарион, и в его фиолетовых глазах мелькнуло что-то похожее на уважение. — Теперь ты понимаешь, почему

мы пришли. Ты не просто наследница. Ты — якорь. Но пока ты не умеешь управлять этой силой, ты уязвима. Нам нужно увести тебя туда, где ты сможешь учиться. В наш мир. Сильтарион покачала головой, всё ещё пытаюсь осознать увиденное. — Но я... я не могу просто уйти. У меня здесь... всё. Дом. Друзья. Жизнь. Каэлинон чуть склонил голову. — Твоя жизнь теперь другая. Но мы не забираем тебя навсегда. Мы покажем тебе, как быть принцессой и хранителем. Как видеть то, что скрыто. Как закрывать трещины и не дать мирам столкнуться. Лиэрион протянул ей руку. — Пойдём. Время объяснений закончилось. Начинается время действий. Сильтарион посмотрела на его ладонь, затем снова на мерцающие трещины, на золотую нить, дрожащую от напряжения. Она глубоко вздохнула, будто ныряла в ледяную воду, и вложила свою руку в его. И в тот миг, когда их пальцы соприкоснулись, пространство вокруг снова пошло рябью. Комната, папка на столе, даже адвокат, застывший у стены, — всё это на секунду стало прозрачным, как отражение в воде, а сквозь него проступил другой пейзаж: город из светящегося камня, башни, пронзающие небо, и воздух, звенящий от магии. — Добро пожаловать домой, — тихо произнёс Лиэрион. Переход между мирами был похож на вдох после долгого погружения под воду: Сильтарион на мгновение ослепла от света, а когда зрение вернулось, она уже стояла не в полутёмной гостиной, а на хрустальном балконе, где ветер пах озоном и цветущим жасмином. Город эльфов раскинулся вни-

зу — не из камня и кирпича, а из светящихся кристаллов, переплетённых тонкими мостами, по которым скользили серебрястые огни. Над башнями плыли полупрозрачные ленты северного сияния, будто небо решило спуститься поближе, чтобы послушать разговоры. Сильтарион всё ещё дрожала, и не только от холода. Она обернулась к принцам, пытаюсь спрятать растерянность за вопросом: — Это... ваш город? Лиэрион чуть склонил голову, будто прислушивался к чему-то, чего она не слышала. — Это Эриллиан, сердце нашего мира. Но сегодня мы не будем говорить о политике, границах и пророчествах. Сегодня ты — не хранитель и не принцесса. Сегодня ты просто гостя. Каэлиноу улыбнулся — впервые по-настоящему, без настороженности, и в его янтарных глазах вспыхнули тёплые искры. — Мы подумали, что после всех потрясений тебе нужно что-то простое. Что-то человеческое. Ужин. Разговор. Без спешки. Он щёлкнул пальцами — не театрально, а как человек, который привык отдавать тихие приказы, — и прямо на балконе возник стол, накрытый на троих. Скатерть была из ткани, которая переливалась, как перламутр, а посуда казалась вырезанной из единого куска лунного камня. В центре стояли три высоких бокала, в которых плескалось что-то золотистое, искрящееся, будто в них поймали закат. Лиэрион отодвинул для неё стул, и, когда она села, его голос прозвучал мягче, чем раньше: — В нашем мире не принято спешить. Здесь время течёт иначе. Мы умеем ценить мгновения. На тарелках появились

блюда, и Сильтарион невольно улыбнулась: это было похоже на смесь эльфийской магии и земной кухни. Тонкие лепёшки с пряным маслом, салат из хрустальных листьев и ягод, которые лопались на языке, оставляя послевкусие ванили и грозы, а в центре — запечённая рыба в медово-травяном соусе, посыпанная съедобными лепестками. — Как вы это сделали? — прошептала она, касаясь края тарелки. Каэлинон сел напротив и подлил ей в бокал золотистый напиток. — Немного магии. Немного желания. И немного страха, что ты скажешь, что нам вообще ничего не удаётся, — он подмигнул, и напряжение, сжимавшее её грудь, чуть ослабло. Они ели, и поначалу разговор был осторожным, почти дежурным: о вкусе специй, о том, как странно здесь пахнет воздух, о том, что звёзды в этом мире будто ближе и ярче.

Но постепенно Сильтарион начала замечать детали, которые раньше ускользали. Лиэрион, хоть и казался суровым, каждый раз чуть наклонял голову, когда она говорила, будто ловил не слова, а их отголоски. Он рассказывал, как в Эриллиане рассвет не наступает, а «прорастает» — сначала свет появляется в корнях деревьев, потом поднимается по стволам и только потом заливает небо. — Ты видишь мир иначе, — заметила она, глядя, как он аккуратно складывает лепешку, будто это не еда, а карта. Он чуть улыбнулся — редкая, почти застенчивая улыбка, которая делала его не принцем, а просто парнем, которому важно, чтобы ужин понравился.

— Я вижу трещины. Всегда. Даже сейчас. Но я стараюсь не смотреть на них. Сегодня — не тот вечер. Каэлино́р, напротив, говорил легко, сыпал шутками про эльфийских поваров, которые спорят с травами о том, кто кого приправит, и незаметно подкладывал ей самые вкусные кусочки. — Знаешь, в нашем мире есть легенда, — сказал он, когда они перешли к десерту — воздушным пирожным, тающим во рту, как облака, — что когда хранитель находит свой якорь, даже время замедляется. Чтобы дать им шанс просто побыть рядом. Сильтарион посмотрела на обоих и вдруг поняла, что не чувствует себя чужой. Да, её мир рухнул, да, на плечи легла тяжесть, которую она ещё не умела нести. Но здесь, между этими двумя, она могла на минуту перестать быть «той самой Сильтарион из пророчества». Она могла быть просто девушкой, которая пробует новое, слушает истории и чувствует, как тепло разливается по груди не от магии, а от того, что её стараются сделать счастливой. — Спасибо, — тихо сказала она, когда последние звёзды поднялись над городом. — За то, что не даёте мне думать о трещинах. Хоть ненадолго. Лиэрион кивнул, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на облегчение. — Иногда самое важное — это не закрывать разломы. А напоминать, ради чего их вообще стоит держать. Каэлино́р протянул руку и осторожно коснулся её пальцев — лёгким, почти незаметным движением, будто проверял, не исчезнет ли она. — Завтра мы снова будем говорить о границах и опасностях. Но сегодня... сегодня пусть будет про-

сто ужин. И пусть он будет хорошим. И он был. Тёплым, живым, настоящим. И в тот момент Сильтарион впервые пове-рила, что, возможно, она не одна. Что у неё есть те, кто будет стоять рядом, когда мир начнёт рушиться, — и те, кто на-помнит, как выглядит обычный, счастливый вечер. Ночь опу-стилась на Эриллиан мягко, как шёлковый плащ, и балкон, где только что догорали последние искры ужина, теперь ка-зался укрытым звёздной пылью. Сильтарион сидела на краю скамьи, поджав ноги, и смотрела, как огни города отража-ются в её бокале, будто крошечные созвездия. Принцы сто-яли чуть поодаль, переговариваясь вполголоса, и в их позах чувствовалась какая-то новая собранность — не напряжён-ная, а почти торжественная. Потом Лиэрион шагнул вперёд и протянул ей тонкий футляр, вырезанный из тёмного дерева, по которому бежали тонкие серебряные прожилки — слов-но застывшие молнии. — Это не просто украшение, — тихо сказал он, не глядя ей прямо в глаза, будто боялся, что пря-мой взгляд сделает момент слишком тяжёлым. — Это ком-пас рода Элитомирон. Он реагирует на разломы. Когда гра-ница начнёт трещать, он станет тёплым, а стрелка укажет, где трещина шире всего. Но ещё он умеет... успокаивать. Если тебе станет страшно, сожми его в ладони. Дерево пом-нит голоса твоих предков. Сильтарион осторожно взяла фу-тляр, чувствуя, как внутри что-то тихо вибрирует, будто ма-ленькое сердце. Она открыла его — и внутри лежал кулон: капля из полупрозрачного камня, внутри которого мерцал

золотой свет, похожий на тот, что она видела в трещинах. — Он... живой? — прошептала она. Лиэрион чуть склонил голову. — Живой — не то слово. Он помнит. И будет напоминать тебе, что ты не одна. Каэлино́р подошёл с другой стороны и протянул ей простую на вид вещь — шёлковый шарф, но ткань была такой тонкой, что казалась сотканной из лунного света. Он переливался всеми оттенками сумерек: от фиолетового до серебристосерого. — Этот шарф скроет тебя, — сказал он чуть небрежнее, чем обычно, будто хотел спрятать за этой небрежностью волнение. — Не от всех, конечно. Но если ты окажешься там, где нельзя быть замеченной, накинь его на плечи и подумай о тишине. Ткань впитает твой образ и сделает его размытым, как отражение в воде. Это не невидимость, но... достаточно, чтобы выиграть время. Сильтарион провела пальцами по мягкой ткани, и шарф тут же чуть шевельнулся, будто принюхивался к ней. — Он будто... тёплый, — удивилась она. Каэлино́р улыбнулся, на этот раз без шутки, просто искренне: — Потому что он хочет тебя защитить. Как и мы. Она посмотрела на оба подарка, потом подняла глаза на принцев. В груди что-то сжалось — не от страха, а от того, как много в этих вещах было не магии, а заботы. — Вы... всё продумали, — тихо сказала она. Лиэрион кивнул, и на его лице мелькнуло что-то похожее на облегчение: — Мы не можем забрать у тебя страх. Но можем дать тебе инструменты, чтобы с ним справляться. И... чтобы ты знала, что мы рядом. Каэлино́р чуть склонил голову: —

А ещё это просто подарки. Без пророчеств и границ. Просто потому что сегодня был хороший вечер, и ты заслужила что-то красивое. Сильтарион надела кулон — он тут же мягко потеплел у неё на груди, будто нашёл своё место. А шарф она накинула на плечи, и мир вокруг словно стал чуть тише, будто город Эриллиан на мгновение задержал дыхание, чтобы не спугнуть этот момент. — Спасибо, — прошептала она, и голос её дрогнул не от слабости, а от того, сколько в этом слове было смысла. — За то, что не давите. За то, что даёте мне дышать. Лиэрион сделал шаг вперёд и осторожно, почти невесомо коснулся её плеча — как будто проверял, реальна ли она. — Ты — якорь, Сильтарион. Но якорь тоже должен отдыхать. Иначе он не удержит. Каэлинор подмигнул: — И ещё... если вдруг захочешь просто сбежать на час от всех пророчеств, скажи. Я умею делать так, что даже стражники дворца будут думать, что тебя здесь никогда не было. Она рассмеялась — впервые за долгое время по-настоящему, легко, без оглядки на прошлое. И в этот смех вплелись и свет города, и тихий шёпот ветра, и ощущение, что, может быть, впереди ещё будет не только опасность, но и счастье — маленькое, хрупкое, но своё. Ночь в Эриллиане текла медленно, будто сама не хотела заканчиваться. Сильтарион всё ещё чувствовала тепло кулона у себя на груди — он тихо пульсировал, как второе сердце, ровное и надёжное. Шарф лёг на плечи мягкой тенью, приглушая свет вокруг, но не пряча её, а словно укутывая в уют. Лиэрион стоял чуть поодаль,

у перил балкона, и смотрел, как над городом медленно плывут светящиеся ленты. Он будто прислушивался к тишине, к тому, как шепчет сам воздух. Каэлинон же устроился на краю скамьи, чуть наклонившись вперёд, и в его янтарных глазах плясали отблески городских огней. — Знаешь, — тихо сказал Лиарион, не оборачиваясь, — в нашем мире есть традиция: когда кто-то принимает свою судьбу, звёзды зажигаются ярче. Не для всех, конечно. Только для тех, кто смотрит. Сильтарион улыбнулась, чуть крепче сжимая пальцами край шарфа. — А если я ещё не совсем её приняла? Если мне всё ещё страшно? Лиэрион наконец повернулся к ней. Его взгляд был спокойным, без давления, но в нём чувствовалась твёрдость, которая не пугала, а, наоборот, давала опору. — Страх — это тоже часть пути. Главное, что ты не бежишь от него. Ты стоишь и смотришь ему в лицо. Этого достаточно... пока. Он сделал шаг к ней, медленно, будто давая ей время отступить, если захочется. Но Сильтарион не отступила. Она подняла на него глаза, и в этот момент весь огромный, чужой, магический город будто сжался до размера одного взгляда. Лиэрион протянул руку и осторожно коснулся её щеки — так легко, словно боялся спугнуть рассвет. — Ты такая хрупкая, — прошептал он, — и в то же время в тебе столько силы, что она светится сквозь страх. И тогда он наклонился и коснулся губами её лба — не страстно, не требовательно, а бережно, как клятву. Это был поцелуй-обещание: «Я буду стоять рядом. Я не дам тебе упасть». Силь-

тарион закрыла глаза, чувствуя, как внутри что-то тихо расправляется, как крылья после долгого холода. А потом она повернулась к Каэлинору. Он не двигался, но в его позе читалось ожидание — не нетерпение, а готовность принять любой её выбор. — Ты всё время шутишь, — тихо сказала она, подходя ближе, — будто прячешь за шутками что-то важное. Каэлинор чуть склонил голову, и улыбка сползла с его лица, оставив только искренность. — Я прячу страх, — признался он просто. — Страх, что ты помотришь на меня и увидишь только тень. Что ты выберешь свет, а не сумрак. Она подошла ещё на шаг и положила ладонь ему на плечо. Ткань его камзола была прохладной, но под ней чувствовалось тепло живого тела. — Я вижу тебя, — сказала она тихо. — И мне нравится, что ты умеешь делать мир тише, когда мне слишком громко. Каэлинор медленно поднял руку и заправил ей за ухо прядь волос, которую ветер снова вырвал из причёски. Его пальцы задержались у её виска, будто запоминая линию. — Тогда позволь мне сделать ещё коечто, — прошептал он. — Не для пророчества. Не для миров. Просто для тебя. Он наклонился, и его губы коснулись её щеки — чуть ниже скулы, там, где кожа особенно тонкая, и где пульс стучит громче всего. Это был поцелуй, в котором чувствовалась вся его лёгкость, вся его способность обходить острые углы, но теперь она поняла: за этой лёгкостью прячется глубокая, тихая преданность. Когда он отстранился, в его глазах мелькнуло облегчение, смешанное с благодарностью. — Спасибо, — ска-

зал он тихо, будто это было самое трудное слово на свете. Сильтарион стояла между ними, чувствуя, как два разных тепла — одно твёрдое и надёжное, как камень, другое мягкое и текучее, как лунный свет, — обнимают её с двух сторон. Кулон на груди тихо потеплел, будто одобрял, а шарф скользнул по плечам, словно шептал: «Ты в безопасности».

Лиэрион снова подошёл к перилам и посмотрел на город. — Скоро рассвет, — сказал он спокойно. — В Эриллиане он не приходит внезапно. Он пробирается по улицам, заглядывает в окна, касается крыш. И к тому времени, как солнце покажется над горизонтом, весь город уже будет знать, что что-то изменилось. Каэлинор усмехнулся, но в этой усмешке не было насмешки, только лёгкая гордость. — Пусть знают. Пусть говорят, что в эту ночь принцесса Элитомирон перестала быть просто именем в пророчестве. Пусть говорят, что она стала живой. Сильтарион глубоко вздохнула, и впервые за долгое время в этом вздохе не было тяжести. — Я не знаю, справлюсь ли я с тем, что мне предстоит, — призналась она, глядя на обоих принцев по очереди. — Но я знаю, что не хочу делать это одна. Лиэрион кивнул, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на гордость. — Ты и не будешь одна. Каэлинор протянул ей руку. — А пока... давай просто встретим рассвет. Без границ, без пророчеств. Просто трое людей, которым повезло найти друг друга. Она вложила свою ладонь в его, а второй рукой чуть крепче прижала к груди кулон. И они втроём встали у перил, глядя, как пер-

вые лучи света медленно наполняют город, превращая кристаллы в жидкое золото. Рассвет в Эриллиане всё-таки пришёл — не как внезапный удар света, а как медленное, почти осторожное пробуждение. Кристаллы башен наливались золотом, и казалось, будто город сам шепчет: «Смотри, как красиво может быть даже утро после самой тёмной ночи». Сильтарион стояла на том же балконе, но теперь рядом с ней были не только принцы — рядом было понимание: она больше не просто девочка из чужого мира. Она — принцесса рода Элитомирон. И теперь ей предстояло принять это до конца. Лиэрион подошёл к краю перил и жестом пригласил её встать рядом. — В нашем мире есть обряд, — тихо сказал он, не отводя взгляда от горизонта. — Обряд принятия судьбы. Его не проводят по приказу и не устраивают ради показухи. Его совершают только тогда, когда сердце готово сказать: «Да, это мой путь». Каэлинор встал чуть позади, не мешая, но оставаясь частью этого момента. — И знаешь, что самое важное в этом обряде? — добавил он чуть тише. — В нём нет слов, которые нужно выучить наизусть. Нет клятв, которые заставляют повторять трижды. Всё, что требуется, — это искренность. Лиэрион протянул ей тонкую серебряную нить — не обычную, а будто сотканную из лунного света. — Это нить согласия. В ней нет магии, которая заставит тебя быть храброй. Но она помнит прикосновение тех, кто шёл этим путём до тебя. Если ты готова принять свою судьбу, обвяжи ею запястье. Если нет — мы подождём. Никто не

торопит сердце. Сильтарион взяла нить. Она была прохладной и на ощупь казалась живой — будто под тонкой поверхностью бежали крошечные искры. Она посмотрела на принцев: на твёрдую, спокойную уверенность Лиэриона и на мягкую, бережную поддержку Каэлинора. И тогда она вспомнила всё: как мама всегда говорила: «Судьба — это не то, что с тобой случается. Это то, как ты на это отвечаешь». Вспомнила, как папа смеялся и добавлял: «А отвечать можно по-разному: можно плакать, можно злиться, а можно однажды просто сказать: Я справлюсь». Она глубоко вдохнула и медленно обвязала нить вокруг запястья. Та тут же мягко потеплела и будто легла плотнее, словно признала её. В тот же миг небо над Эриллианом будто дрогнуло — и по нему прокатилась волна света, похожая на северное сияние, только ярче и чище. Ветер замер на мгновение, будто прислушиваясь, а потом снова зашелестел, но уже по-другому — радостно, легко, будто поздравлял. Лиэрион чуть склонил голову, и в его фиолетовых глазах мелькнуло что-то похожее на гордость. — Теперь весь город знает, — тихо произнёс он. — Ты приняла свою судьбу. И ты сделала это не из страха, не из долга, а из сердца. Каэлинор улыбнулся и протянул ей маленький хрустальный лепесток — такой тонкий, что сквозь него можно было видеть звёзды. — Это знак, — пояснил он. — Его носят те, кто прошёл обряд. Он не даёт силы и не защищает от бед. Но он напоминает: ты уже сделала самый трудный шаг. Ты сказала «да» своему пути. И если когда-нибудь станет тя-

жело, просто коснись его. Вспомни это утро. Вспомни, что ты выбрала быть сильной. Сильтарион приколола лепесток к шарфу — тому самому, который подарил Каэлино́р. И в этот момент кулон на её груди тихо, ровно пульсировал, будто вторил ритму её сердца. — Спасибо, — прошептала она, чувствуя, как к горлу подступает комок, но теперь это был не страх, а что-то другое — благодарность, тепло, принятие. — За то, что не заставляли. За то, что дали мне время. Лиэрион кивнул, будто принимая её слова как самую важную клятву. — Ты — наша принцесса и наш хранитель, — спокойно сказал он. — Но прежде всего ты — человек. И твоё сердце имеет право уставать, сомневаться и всё равно быть храбрым. Каэлино́р чуть склонил голову: — А теперь, когда обряд завершён... может, ты хочешь чего-то совсем простого? Чашку чая, прогулку по саду, где цветы раскрываются только на рассвете? Или просто посидеть и послушать, как город поёт по утрам? Сильтарион улыбнулась. Впервые эта улыбка была не попыткой скрыть дрожь, а настоящей, спокойной. — Давай просто посидим, — сказала она, опускаясь на скамью и подтягивая шарф поближе к себе. — И Расскажи мне какую-нибудь легенду. Что-нибудь такое, чтобы я поняла: этот мир — не только про пророчества и разломы. Чтобы я знала: здесь тоже умеют радоваться рассвету. И Каэлино́р начал рассказывать легенду о Звёздной Птице, которая каждое утро приносит в город по одному новому чуду — то цветок, который смеётся, когда его касаются, то ручей, кото-

рый поёт колыбельные, то мост, который появляется только для тех, кто искренне хочет кого-то найти. А Лиэрион сидел рядом, слушал и время от времени тихо добавлял детали — так, будто эта легенда была не просто сказкой, а частью их общей истории. Сильтарион сидела на скамье, прижав колени к груди, и смотрела, как хрустальный лепесток ловит первые лучи — он переливался всеми оттенками рассвета, будто в нём спрятали кусочек неба. Рядом, на перилах, лежал шарф: лёгкий, будто сотканный из тишины. А на груди тихо пульсировал кулон — ровно, спокойно, как второе сердце. Она глубоко вдохнула.

Воздух здесь пах не пылью и лекарствами, как в её старой комнате, а озоном, цветущим жасмином и чем-то ещё — чем-то древним, словно этот запах хранился в стенах города веками. Каэлинор устроился на краю балкона, болтая ногой и будто нарочно делая вид, что это самое обычное утро и они просто трое друзей, которые выбрались встретить рассвет. — Знаешь, в нашем мире есть легенда про Звёздную Птицу, — начал он, чуть понизив голос, чтобы слова звучали не как лекция, а как сказка на ухо. — Говорят, она каждое утро приносит по одному чуду. Не большому, не спасающему мира, а маленькому: цветок, который смеётся, когда его касаются, мост, который появляется только для тех, кто искренне хочет кого-то найти... Сильтарион улыбнулась, и улыбка вышла тихой, но настоящей. — То есть чудеса у вас... бытовые? Он подмигнул: — А разве не в этом суть? Спасти мир

— громко. А вот заставить кого-то улыбнуться в семь утра — это тоже магия. И, по-моему, даже важнее. Лиэрион стоял чуть поодаль, будто давая им эту лёгкость, но не уходил. Он смотрел на горизонт, где небо уже не было тёмносиним, а наливалось золотом, и вдруг тихо добавил: — В легендах ещё говорится, что Звёздная Птица не приносит чудес тем, кто их ждёт. Она приносит их тем, кто замечает. Кто видит, как свет ложится на камень, как тень танцует на стене, как кто-то рядом старается сделать утро чуть лучше. Сильтарион перевела взгляд с одного принца на другого. И вдруг поняла: чудо сегодняшнего утра — не в сиянии над городом и не в хрустальном лепестке. Чудо было в том, что они оба здесь. Один — твёрдый, спокойный, будто сама опора мира. Другой — лёгкий, тёплый, будто свет, который не даёт темноте взять верх. — Спасибо, — снова сказала она, и на этот раз слова не дрожали. — За то, что не торопите меня. За то, что позволяете просто... быть. Лиэрион чуть склонил голову, будто принимая это как самую важную клятву. — Ты имеешь право на передышку. Даже если ты — принцесса и хранитель. Особенно если ты — принцесса и хранитель. Каэлинор потянулся и щёлкнул пальцами — и рядом с Сильтарионом на скамье появилась чашка, от которой шёл пар с запахом мёда, пряностей и чего-то неуловимо летнего. — Это не магия, — тут же сказал он, будто оправдываясь, хотя в глазах плясали смешинки. — Ну, почти не магия. Просто я попросил кухню поторопиться. Говорят, горячий чай по-

могает миру казаться чуть менее пугающим. Она обхватила чашку ладонями, чувствуя, как тепло ползёт по пальцам, и вдруг рассмеялась. Смех был лёгким, как будто она сбросила с плеч тяжёлый плащ. И в этот момент кулон у неё на груди чуть дрогнул. Не тревожно, как бывает перед опасностью, а будто... одобрительно. Словно говорил: «Ты всё делаешь правильно. Сначала — дыхание. Потом — сила». Лиэрион нахмурился, но не грозно, а так, как хмурится человек, который прислушивается к чему-то едва слышному. — Граница дышит, — тихо сказал он, не глядя на них, будто разговаривал с самим воздухом. — Сейчас она спокойна. Но спокойствие — это не навсегда. Оно — как этот рассвет: его нужно успеть заметить. Сильтарион поставила чашку и встала. Подошла к перилам, встала между принцами и посмотрела на город, который просыпался, переливаясь светом, как драгоценность. — Я не обещаю, что перестану бояться, — тихо сказала она, глядя вперёд, а не на них, чтобы легче было говорить правду. — Но я обещаю, что не буду прятаться от того, что должна сделать. Я приму это... шаг за шагом. Сначала просто встречу рассвет. Потом научусь видеть трещины. Потом — закрывать их. Каэлинор мягко положил ладонь ей на плечо — не крепко, а так, чтобы она чувствовала: он рядом, но не тянет. — Шаг за шагом — это наш план. Мы не требуем от тебя подвигов на завтрак. Лиэрион наконец посмотрел на неё, и в его фиолетовых глазах было столько спокойствия, что оно будто передавалось по воздуху. — И если однажды

шаг будет слишком тяжёлым, — тихо произнёс он, — ты скажешь. И мы пройдем его за тебя. Или пройдем его вместе. Город звенел светом, рассвет обнимал башни, а Сильтарион вдруг почувствовала, что она больше не одна. Что её страх не стал меньше, но стал... не таким одиноким. Что рядом есть те, кто не станет стыдить её за дрожь в руках, а просто пододвинет чашку чая и скажет: «Дыши. Сейчас этого достаточно». Они спустились с балкона по узкой винтовой лестнице, ступени которой будто сами подстраивались под шаг — чуть пружинили, словно помнили, кто по ним ходит веками. Внизу, у подножия башни, город уже жил полной жизнью: по хрустальным мостам скользили серебристые огни, в воздухе кружились лепестки, пахнущие корицей и дождём, а где-то далеко звенел тихий, почти неслышный перезвон — будто сами кристаллы пели утреннюю песню. Лиэрион шёл впереди, не торопясь, но уверенно, как человек, который знает каждый камень под ногами и всё равно смотрит по сторонам — чтобы не пропустить что-то важное. Каэлинор шагал рядом с Сильтарион, чуть наклоняясь к ней, чтобы шепнуть: — Смотри туда. Видишь, как арка над улицей переливается? Это не просто камень. Говорят, она запоминает первый смех, который прозвучит под ней в день. Если рассмеёшься сейчас — она будет светиться чуть ярче весь год. Сильтарион невольно улыбнулась, и в тот же миг арка вспыхнула тёплым янтарным светом, будто отозвалась на её улыбку. — Работает, — тихо сказала она, чувствуя, как внутри

становится легче, будто с плеч сползает невидимый груз. — Конечно, работает, — подмигнул Каэлинон. — В Эриллиане магия любит, когда ей помогают простыми вещами. Смехом. Добрым словом. Чашкой чая, которую ты кому-то поднесёшь. Они свернули на узкую улочку, где дома были похожи на застывшие водопады: прозрачные, с тонкими прожилками света внутри. Из открытых окон доносились голоса, смех, звон посуды — и всё это сливалось в какой-то особенный городской гул, не раздражающий, а уютный, как шёпот старого друга. Вдруг Лиэрион остановился у небольшой лавки, над которой висела вывеска в виде серебряного листа. — Здесь пекут хлеб, который помнит солнце, — сказал он, чуть склонив голову. — Его замешивают на воде из горного ручья и добавляют пыльцу ночных цветов. Говорят, если съесть кусочек на рассвете, день будет добрым. Он кивнул хозяину — эльфу с длинными седыми волосами и глазами цвета утреннего тумана. Тот улыбнулся и протянул им три ломтя хлеба, каждый — с тонкой золотистой корочкой и тёплым, медовым запахом. Сильтарион осторожно откусила кусочек. Вкус был странным и знакомым одновременно: в нём чувствовались травы, мёд, капля соли и что-то ещё — будто воспоминание о лете, которое она почти забыла. — Вкусно, — прошептала она, и Лиарион едва заметно кивнул, будто это было важно. Дальше они шли мимо фонтана, который не лился водой, а пел: тонкие струи поднимались и опускались, складываясь в мелодию, которую каждый слышал по-свое-

му. Для Сильтарион это была колыбельная — та самая, что мама напевала ей, когда она была совсем маленькой и ещё помнила её голос. Каэлинор заметил, как она замерла, прислушиваясь, и тихо сказал: — В этом фонтане живут эхо воспоминаний. Он ловит то, что ты больше всего хочешь услышать. Не бойся. Пусть он напомним тебе о хорошем. Она закрыла глаза на мгновение, позволяя мелодии укутать её, как шарф, и когда открыла их снова, в груди было не пусто, а тепло. Потом они вышли на площадь, где раскинулся рынок. Здесь не было привычных прилавков — вместо них парили в воздухе прозрачные платформы, на которых лежали диковинки: стеклянные яблоки, внутри которых мерцали крошечные звёзды; книги, страницы которых шептали истории, если их коснуться; браслеты, меняющие цвет в зависимости от настроения. Каэлинор потянул её к одной из платформ, где на бархатной подушке лежал маленький стеклянный колокольчик. — Возьми, — сказал он. — Он звенит только для тех, кто рядом. Если тебе станет страшно или одиноко, позвони. Мы услышим. Даже если будем далеко. Сильтарион взяла колокольчик, чувствуя, как он чуть вибрирует в ладони, будто узнаёт её. — Спасибо, — прошептала она. Лиэрион тем временем остановился у другого прилавка, где торговец раскладывал тонкие нити света — не настоящие, но такие, что казалось, будто они сотканы из лучей. — Это путеводные нити, — объяснил он Сильтарион. — Их носят те, кто боится заблудиться. Но я думаю, тебе они не понадобятся.

ся. Ты уже нашла свой путь. Она улыбнулась и покачала головой: — Наверное, нет. Но спасибо, что показал. День становился всё светлее, и город будто раскрывался перед ней, как цветок, показывающий свои лепестки солнцу. Они прошли мимо сада, где цветы раскрывались только на рассвете и закрывались к полудню, будто стесняясь дневного света. Мимо башни, на вершине которой сидел огромный серебристый кот и смотрел на город, как на свою личную вселенную. Мимо переулка, где тени танцевали под неслышную музыку. И когда они наконец остановились у небольшого кафе под навесом из живых виноградных лоз, Сильтарион вдруг поняла: она больше не чувствует себя чужой. Да, этот мир был странным, полным магии и древних легенд. Но в нём было столько тепла, столько маленьких чудес, спрятанных в самых обычных вещах, что он начинал казаться... домом. Они сели за столик, и Каэлинон тут же заказал три чашки чего-то дымящегося и ароматного. — Это напиток из лепестков рассвета, — сказал он с серьёзным видом, но в глазах плясали смешинки. — Говорят, он помогает видеть хорошее даже в самых хмурых днях. Лиэрион сел напротив, чуть наклонив голову, и посмотрел на неё так, будто хотел запомнить этот момент: её улыбку, свет, падающий на волосы, лёгкую морщинку между бровей, которая появлялась, когда она о чём-то задумывалась. — Ты смотришь на этот город и не боишься, — тихо сказал он. — Это важнее, чем умение закрывать разломы. Сильтарион обхватила чашку ладонями, чувствуя,

как тепло ползёт по пальцам, и улыбнулась: — Я всё ещё боюсь, — призналась она. — Но теперь я боюсь не одна. Каэлино́р поднял свою чашку, будто предлагая тост: — За то, чтобы даже в самые тёмные дни рядом был кто-то, кто напóмнит: смотри, вон там арка светится. Потому что ты рас­смеялась. Лиэрион тоже поднял чашку, и его голос прозвучал тихо, но твёрдо: — И за то, чтобы ты знала: твой путь — это не только долг. Это ещё и все эти маленькие чудеса, которые ты замечаешь. Они выпили, и Сильтарион почувствовала, как внутри разливается не просто тепло, а уверенность: она справится. Шаг за шагом. С их помощью. И, может быть, однажды она сама станет тем, кто покажет кому-то этот город и скажет: «Смотри, как красиво». Солнце уже стояло высоко, и Эриллиан переливался так, будто весь город был соткан из света и обещаний. Сильтарион сидела в тени виноградных лоз, чувствуя, как тепло пробирается сквозь листья и ложится на кожу золотистыми пятнами. В груди всё ещё жило то самое новое чувство — не беззаботность, а будто страх наконец перестал быть стеной и стал просто ветром, который можно переждать, потому что рядом есть те, кто укроет от него. Каэлино́р наклонился к ней, понизив голос до заговорщицкого шёпота: — Знаешь, у нас есть ещё одна традиция. Не для королей и не для хранителей. Для тех, кто только учится быть счастливым в новом месте. Нужно сделать что-то совершенно нелепое, чтобы мир понял: ты не собираешься перед ним кланяться. Ты собираешься с ним дру-

жить. Сильтарион приподняла бровь: — Нелепое? Он хитро улыбнулся, и в этой улыбке было столько озорства, что она невольно улыбнулась в ответ: — Да. Например, станцевать прямо здесь, под лозами, так, будто никто не смотрит. Или крикнуть что-нибудь смешное в сторону серебристого кота на башне — говорят, он запоминает все глупости и потом рассказывает их ветру. Или просто сорвать один из этих виноградных листьев и носить его за ухом, как знак, что ты теперь часть города. Лиэрион, до этого молча слушавший, чуть склонил голову: — Он не шутит. В нашем мире магия любит дерзость. Не ту, что рушит, а ту, что говорит: «Я здесь. Я живой. Я выбираю не бояться». Сильтарион посмотрела на них по очереди, и вдруг поняла, что впервые за долгое время ей хочется не просто «справиться», а что-то сделать просто потому, что это приятно. Она сорвала тонкий лист винограда, свернула его в крошечную спираль и аккуратно заправила за ухо. — Вот, — сказала она, чуть смущённо, но с вызовом. — Теперь я официально дружу с городом. Арка на перекрёстке тут же вспыхнула тёплым янтарным светом, будто засмеялась в ответ. А серебристый кот на башне лениво махнул хвостом, будто кивнул: «Принято». Каэлинор расхохотался, откинувшись на спинку стула, и этот смех был таким настоящим, что Сильтарион почувствовала, как внутри что-то щёлкает на место — как замок, который наконец поддался. — Видишь? — сказал он, вытирая выступившие от смеха слёзы. — Мир отвечает тем, кто не боится быть немного

глупым. Лиэрион протянул руку и осторожно коснулся листа у её уха — так легко, будто боялся спугнуть момент, но в этом прикосновении было столько тепла, что оно обожгло не кожу, а что-то глубже. — Ты делаешь этот город светлее, — тихо сказал он, и его голос звучал как клятва. — Не силой. Не долгом. А тем, что ты просто есть. Сильтарион хотел что-то ответить, но слова застряли в горле, потому что в этот момент она вдруг почувствовала не только их взгляды, но и что-то ещё — тонкую, едва заметную дрожь в воздухе, как будто сама граница между мирами затаила дыхание. Кулон на груди тихо потеплел, не тревожно, но настойчиво. Она замерла, и оба принца тут же стали серьёзными, будто почувствовали перемену в её дыхании раньше, чем она сама успела её осознать. — Что? — спросил Лиэрион, уже не мягко, а собранно, как человек, который готов в любую секунду стать щитом. Сильтарион прикрыла глаза, прислушиваясь к этому новому чувству, и вдруг увидела то, чего не хотела видеть: тонкую, почти невидимую трещину, которая тянулась через площадь, словно царапина на стекле. Она была не там, где громоздились башни или звенели фонтаны, а прямо здесь, среди смеха и виноградных лоз, будто тьма подкрадывалась к самому сердцу счастья. — Там, — прошептала она, указывая дрожащим пальцем. — На площади. Тонкая линия... как будто свет не ложится ровно. Лиэрион мгновенно встал, заслоняя её собой, но не грубо, а так, чтобы она чувствовала его спину как стену, за которой можно

спрятаться. Каэлино́р оказался рядом, его пальцы легли на её запястье — не сильно, но уверенно, как якорь. — Дыши, — тихо сказал он. — Ты её увидела. Это уже половина дела. Теперь скажи ей: «Ты не победишь сегодня». Просто скажи это вслух. Не магией. Просто голосом. Сильтарион сжала кулаки, чувствуя, как страх пытается снова вползти в грудь, но на этот раз она не дала ему стать тьмой. Она вспомнила мамины слова, папин смех, вспомнила, как арка вспыхнула от её улыбки, как город принял её лист за ухом. И она подняла голову, посмотрела прямо на трещину и сказала: — Нет. Сегодня ты не победишь. Здесь слишком много света. И в тот момент, когда она произнесла эти слова, трещина дрогнула, будто удивилась, и начала медленно затягиваться, как рана под тёплой ладонью. Кулон на груди пульсировал ровно, поддерживая её, а шарф на плечах скользнул чуть плотнее, словно шептал: «Ты можешь». Лиэрион медленно повернулся к ней, и в его фиолетовых глазах было не только уважение, но и что-то, от чего у неё перехватило дыхание, — гордость. — Ты сделала это, — тихо сказал он. — Без заклинаний. Без древних ритуалов. Просто сказала «нет» — и мир послушался. Каэлино́р всё ещё держал её запястье, и теперь она чувствовала не только его тепло, но и то, как его пульс бьётся в такт с её собственным — быстро, но ровно, как у двух людей, которые только что вместе удержали небо. — Ты не одна, — прошептал он, наклоняясь ближе, так что его дыхание коснулось её виска. — И никогда не будешь. Даже ко-

гда придётся говорить «нет» тьме. Даже когда будет страшно. Мы будем рядом. Он отпустил её руку, но только чтобы поднять ладонь и провести пальцами по её щеке — так осторожно, будто она была сделана из самого хрупкого стекла, но он знал, что внутри неё есть сталь. И когда его губы коснулись её виска, это было не как в сказках про принцев и принцесс — это было как обещание, которое шепчут, когда никто не слышит, потому что оно слишком важное, чтобы кричать. Лиэрион стоял рядом, и хотя он не касался её, его присутствие было таким же ощутимым, как свет. Он смотрел на неё так, будто видел не только то, что было сейчас, а все её «завтра», все её битвы и все её рассветы. — Ты — якорь, — тихо сказал он, и в его голосе не было тяжести долга, а была нежность, от которой хотелось плакать и улыбаться одновременно. — Но ты ещё и огонь. Ты не просто держишь границу. Ты её согреваешь. И пока ты это делаешь, она не рухнет. Сильтарион глубоко вздохнула, чувствуя, как мир снова становится ровным, как свет ложится на листья, как воздух пахнет жасмином и чем-то ещё — чем-то, что теперь принадлежало ей. Она подняла руку и коснулась сначала кулона, потом листа за ухом, а потом осторожно накрыла ладонью пальцы Каэлинора, всё ещё лежавшие у неё на запястье. — Спасибо, — прошептала она. — За то, что не дали мне испугаться до конца. За то, что показали, как можно быть сильной и при этом... просто смеяться под лозами. Каэлинор улыбнулся, но на этот раз улыбка была не озорной, а тихой,

почти серьёзной: — Смех — это тоже щит. Иногда самый крепкий. Лиэрион шагнул ближе и протянул ей руку: — А теперь, когда ты закрыла трещину, мир хочет отблагодарить тебя. Пойдём. Есть одно место, куда не пускают никого, кроме тех, кто доказал, что умеет видеть свет даже в темноте. Сад Рассветных Зеркал. Там каждое отражение показывает не то, кем ты была, а то, кем можешь стать. Сильтарион вложила свою ладонь в его руку, чувствуя, как его пальцы крепко, но бережно смыкаются вокруг её пальцев. Каэлинор шёл с другой стороны, и она чувствовала его взгляд — тёплый, как солнечный луч, который падает на плечо. Они шли по улицам Эриллиана, и город будто становился тише, чтобы не спугнуть этот момент. Арка над улицей всё ещё светила янтарём, фонтан пел ту самую колыбельную, а серебристый кот на башне снова кивнул, будто знал, что сегодня она сделала что-то важное. Когда они подошли к высоким воротам, увитым живыми цветами, Лиэрион остановился и тихо сказал: — Здесь не нужны слова. Просто войди. И посмотри. Сильтарион сделала шаг вперёд, и перед ней расступились тонкие завесы света, открывая сад, где вместо обычных зеркал стояли огромные капли хрусталя, в которых отражался не просто её силуэт, а целая вереница её «я»: маленькая девочка, прижимающая к груди серебряный кулон; девушка, впервые увидевшая трещины в мире; принцесса, сказавшая «нет» тьме; и та, кем она могла стать завтра — спокойная, уверенная, не лишённая страха, но научившаяся идти сквозь

него. Она протянула руку и коснулась одного из зеркал, и отражение мягко улыбнулось ей в ответ — не как призрак, а как обещание. — Я справлюсь, — тихо сказала она, и на этот раз слова прозвучали не как мольба, а как решение. — Шаг за шагом. С вами. Лиэрион положил руку ей на плечо — не тяжело, но твёрдо, как человек, который знает, что его сила нужна не для того, чтобы давить, а для того, чтобы держать. — Мы будем идти рядом, — пообещал он. А Каэлинор встал напротив, чуть наклонив голову, и в его янтарных глазах плясали отблески хрустальных капель. — И если вдруг станет слишком тяжело, — тихо добавил он, — просто скажи. Мы придумаем что-нибудь нелепое. Станцуем на площади. Крикнем что-нибудь коту. Сделаем так, чтобы мир снова засмеялся вместе с тобой. Сильтарион улыбнулась, и улыбка была такой настоящей, что сад будто стал светлее. Она знала: впереди будут битвы, будут трещины, будут моменты, когда тьма будет казаться бесконечной. Но теперь она знала и другое: она не одна. И иногда этого достаточно, чтобы сделать первый шаг. Сад Рассветных Зеркал будто замер, прислушиваясь к её словам. Хрусталь тихо звенел, как едва уловимая нота, и отражения в каплях чуть дрогнули — словно каждое из них кивало в ответ: «Да, ты справишься». Сильтарион стояла посреди сада, чувствуя, как внутри разливается не просто облегчение, а какое-то новое, тёплое чувство — будто она наконец-то встала на твёрдую землю после долгих лет блуждания по зыбким тропам. Она глубоко вдохнула, и воз-

дух здесь был другим: не городским, пропитанным пылью и спешкой, а чистым, звенящим, будто сотканным из утреннего света и тихих обещаний. Лиэрион всё ещё держал руку на её плече, и через тонкую ткань платья она чувствовала не только тепло его ладони, но и ровную, уверенную силу, которая не давила, а просто была рядом — как скала, о которую разбиваются волны, но которая никогда не дрогнет. Он чуть наклонился, и его голос прозвучал совсем близко, почти у самого её уха: — Знаешь, в старых легендах говорят, что такие сады появляются только там, где чьё-то сердце наконец перестаёт прятаться. Они расцветают из смелости, даже самой маленькой. Из одного «я не сдамся». Из одного листа за ухом. Сильтарион чуть повернула голову и встретила с его взглядом. В фиолетовых глазах Лиариона не было ни тени высокомерия, ни холодной отстранённости, которую она раньше принимала за равнодушие. Там была забота — такая глубокая, что от неё становилось одновременно и спокойно, и немного страшно: страшно оттого, что к такому теплу так легко привыкнуть. — Спасибо, — прошептала она, не отводя глаз. — За то, что не даёшь мне забыть, что смелость бывает разной. Что она может быть не только в мече и в крике, но и в том, чтобы просто сказать «нет» и поверить, что этого хватит. Он едва заметно улыбнулся, и эта улыбка была такой редкой, такой настоящей, что у неё защемило где-то под рёбрами. — Не благодари, — тихо ответил он. — Просто помни это. Когда станет тяжело, когда тьма снова попытает

шепнуть, что ты одна, — вспомни этот сад. Вспомни, что ты уже однажды закрыла трещину одним словом. И этого было достаточно. Каэлино́р, стоявший напротив, чуть склонил голову, и в его янтарных глазах плясали отблески хрустальных капель, словно в них отражался весь город сразу — все его огни, все его тайны, все его шутки и песни. Он сделал шаг вперёд, не спеша, будто давая ей время привыкнуть к каждому его движению, и остановился совсем близко — так, что между ними оставалось лишь тонкое, дрожащее пространство, наполненное запахом жасмина и нагретого камня. — А я буду напоминать тебе про нелепость, — сказал он с той самой озорной улыбкой, которая всегда умела прогнать даже самый густой мрак. — Потому что, знаешь, иногда самое сильное волшебство — это когда ты вдруг решаешь, что мир не такой уж серьёзный. Что можно смеяться, когда страшно. Что можно танцевать, когда всё рушится. Он протянул руку, не касаясь, а просто предлагая: — Хочешь, прямо сейчас? Здесь, среди зеркал, где никто не увидит, кроме хрусталя и ветра? Просто покружиться, будто мы дети, которые ещё не знают, что взрослые не танцуют просто так. Сильтарион на мгновение замерла, чувствуя, как в груди снова поднимается тот самый страх — не перед тьмой, а перед собственной уязвимостью, перед тем, как легко можно открыться и как больно бывает, если эта открытость не встретит ответа. Но потом она посмотрела на Лиэриона, на его спокойную, твёрдую уверенность, на то, как он чуть кивнул, будто говоря:

«Ты в безопасности», а потом перевела взгляд на Каэлинора — на его протянутую руку, на эту дерзкую, живую улыбку, и вдруг поняла: они не просят её быть сильной. Они просят её просто быть. Быть настоящей. Быть той, кто смеётся под лозами и носит лист за ухом, потому что ей так хочется. Она медленно подняла руку и вложила ладонь в его пальцы. Его хватка была тёплой, чуть шероховатой, настоящей — не идеальной, не выверенной, а такой, какая бывает у человека, который много сражался, много работал и теперь просто хочет удержать кого-то, чтобы тот не упал. И когда он потянул её за собой, мягко, но настойчиво, она сделала первый шаг, потом второй, и вот уже они кружились среди хрустальных капель, и сад отзывался тихим звоном, будто аплодировал им. Лиэрион стоял чуть в стороне, наблюдая за ними, и в его взгляде было что-то такое, от чего у Сильтарион сжималось сердце: не ревность, не отстранённость, а тихое, глубокое принятие. Он не пытался быть в центре её мира — он просто стоял на его краю, готовый в любой момент стать опорой, если вихрь закружит слишком сильно. Они кружились, пока смех не стал громче страха, пока отражения в хрустале не начали улыбаться вместе с ними, пока город за стенами сада не перестал казаться таким огромным и пугающим. А когда Каэлинор наконец остановился, притянув её чуть ближе, но не настолько, чтобы нарушить границы, а ровно настолько, чтобы она почувствовала: он здесь, он настоящий, он не исчезнет, — он наклонился и тихо прошептал ей на ухо: — Видишь?

Мир смеётся вместе с тобой. И он будет смеяться, сколько бы трещин ни появилось. Потому что ты умеешь превращать страх в танец. Сильтарион прижалась лбом к его плечу — совсем на мгновение, просто чтобы почувствовать, как под тканью бьётся его сердце, такое же быстрое, как её собственное, но такое уверенное, будто оно знало что-то, чего пока не знала она. — Я боюсь, — призналась она тихо, не стыдясь этого признания, потому что здесь, среди зеркал и смеха, страх вдруг перестал быть врагом. Он стал просто частью её, такой же настоящей, как её руки, её голос, её желание жить дальше. — Боюсь, что однажды слова «нет» будет недостаточно. Что трещина станет слишком большой. Каэлинор не стал говорить пустых утешений. Он просто обнял её — не крепко, не до боли, а так, чтобы она могла в любой момент отстраниться, если захочет, но знала, что есть место, куда можно прижаться, когда земля уходит из-под ног. — Тогда мы скажем «нет» вместе, — прошептал он, касаясь губами её виска, легко, почти невесомо, как обещание, которое не требует клятв, потому что оно и так сильнее любых слов. — Я скажу. Лиэрион скажет. Ты скажешь. И мир услышит три голоса вместо одного. А это всегда громче. Лиэрион подошёл ближе и положил ладонь ей на спину — не сверху, не властно, а там, где она сама хотела бы чувствовать тепло, если бы могла выбрать место. — И если слов будет мало, — тихо добавил он, — мы сделаем что-то нелепое. Закричим коту на башне. Станцуем на площади. Покажем тьме, что у

нас есть то, чего у неё никогда не будет: мы есть друг у друга. Сильтарион закрыла глаза, чувствуя, как их тепло обволакивает её, не стирая её собственной силы, а делая её ещё крепче — как сталь, которую закаляют в огне, но не сжигают. Она глубоко вздохнула, и когда открыла глаза, сад уже не казался таким хрупким. Он был живым. Он дышал вместе с ней. — Хорошо, — прошептала она, улыбнувшись, хотя в уголках глаз стояли слёзы — не от горя, а от того, как много всего вдруг стало возможным. — Если станет страшно... мы будем танцевать. Каэлинон усмехнулся, чуть отстраняясь, но не убирая руки с её талии, и подмигнул: — Договорились. А пока... давай посмотрим, что ещё умеет этот сад. Говорят, если постоять здесь совсем тихо, зеркала начинают шептать не про будущее, а про забытые мечты. Про то, что мы прячем даже от самих себя. Лиэрион чуть наклонил голову, его голос стал мягче, почти задумчивым: — Иногда самое важное — не то, что мы готовы защищать мечом. А то, что мы боимся потерять, потому что оно слишком хрупкое. Слишком наше. Сильтарион снова посмотрела на отражения в хрустальных каплях. На этот раз она не искала в них силу или грядущие битвы. Она искала ту девочку, которая когда-то прижимала к груди серебряный кулон, ту девушку, которая впервые увидела трещину, и ту женщину, которой она могла стать — не безупречной, не бесстрашной, а просто настоящей: умеющей бояться, умеющей смеяться, умеющей держаться за чьи-то тёплые пальцы, когда мир начинает рушиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.